

IV. СМѢСЬ.

Сковорода,

Украинскій Философъ.

Издатели въ одно время получили двѣ пѣсы, одну подъ названіемъ: *Сковорода, Циникъ нынѣшняго вѣка*; а другую: *Лопанскій мостъ — отрывокъ изъ воспоминаній о Харьковѣ*, въ которой также нашли они описаніе сего чуднаго Украинца: сверхъ того имъ доставлены два собственноручныя его письма. Они съ удовольствіемъ помѣщаютъ оба сїи почти разнородныя о немъ сужденія; а изъ писемъ его всякой увидитъ самъ, до какой степени онъ былъ образованъ и уменъ.

Сковорода родился въ небольшой деревнѣ Харьковской Губерніи; отецъ его былъ очень бѣдный Священникъ. Старый Сковорода весьма мало могъ употребить на воспитаніе своего сына; а пошому онъ самъ образовалъ зародышъ добродѣтели въ сердцѣ дитяти и далъ ему первое

основаніе, чѣмъ бы со временемъ можно было сдѣлаться полезнымъ человѣкомъ. Когда сей юноша выросъ и любопытная душа его потребовала лучшей пищи; то родители отдалъ его въ Кіевскую Академію: тамъ молодой Сковорода занялся ревностно Еврейскимъ, Греческимъ и Латинскимъ языками, упражняясь при томъ въ Краснорѣчіи, Философіи, Метафизикѣ, Математикѣ, Естественной Исторіи и Богословіи. Но онъ совершенно не имѣлъ расположенія къ духовному званію, для котораго впрочемъ преимущественно отецъ назначалъ его; и его неразположенность возрасла до такой степени, что онъ, замѣчая желаніе Кіевского Архіерея посвятить его въ священники, прибѣгнулъ къ хитрости и припворился сумасброднымъ, перемѣнилъ голосъ, спалъ заикаясь. Такимъ образомъ по окончаніи шести лѣтъ оказалось, что онъ на силу успѣлъ научиться читать и писать; по чему обманутый Архіерей выключилъ его изъ бурсы какъ непонятнаго и признавъ неспособнымъ къ духовному званію позволилъ ему жить, гдѣ угодно. Этого-то

и хотѣлъ Сковорода: будучи на свободѣ онъ почиталъ себя уже довольно награжденнымъ за несносныя для него шесты лѣтъ, которыя впрочемъ онъ совсемъ иначе употребилъ, нежели какъ думали всѣ его окружавшіе; онъ приобрѣлъ большія свѣденія въ разныхъ наукахъ, желая сообщить ихъ нѣкогда юнымъ своимъ согражданамъ. Но все еще онъ чувствовалъ себя весьма слабымъ для прохожденія предположеннаго поприща и хотѣлъ увеличить еще болѣе свои познанія. Здравый разсудокъ говорилъ ему, что сухая ученость безъ знанія людей очень мало значить; и по книгамъ нельзя хорошо узнать челоуѣка во всѣхъ его отношеніяхъ. Сковорода надѣялся пособить сему недостатку путешествіемъ въ чужіе края; такимъ образомъ онъ взялъ странническій посохъ въ руку и отправился за границу истинно философски т. е. пѣшій и съ крайне шощимъ кошелькомъ. Онъ странствовалъ въ Польшѣ, Пруссіи, Германіи и Италіи, куда сопровождала его нужда и отреченіе отъ всякихъ выгодъ. Чистое, чувствительное и ко всему прекрасному

способное сердце составляло всю его собственность. Римъ любопытству его открылъ обширное поле. Съ благоговѣніемъ шествовалъ онъ по сей классической землѣ, которая нѣкогда носила на себѣ Цицерона, Сенеку и Капона; пріумфальныя врата Траяна, Обелиски на площади Св. Петра, развалины Каракальскихъ бань, словомъ всѣ остатки сего владыки свѣта; столь противоположныя нынѣшнимъ постройкамъ тамошнихъ монаховъ, шутовъ, шарлапановъ, макаронныхъ и сырныхъ фабрикантовъ, произвели въ нашемъ циникѣ сильное впечатлѣніе. Онъ замѣтилъ, что не у насъ только, но и вездѣ богачаму кланяются, а бѣднаго презираютъ; видѣлъ: какъ мужья, гордясь своими вѣнчатыми украшеніями, прогуливаются; а женщины проливаютъ крокодильскія слезы; какъ глупость предпочитаютъ разуму, какъ шутовъ награждаютъ, а заслуга питается подаяніемъ; какъ развратъ нѣжится на мягкихъ пуховикахъ, а невинность томится въ мрачныхъ иемнищахъ; короче онъ видѣлъ все, что можно видѣть всякой день на нашемъ земномъ

шарѣ (*). Но онъ видѣлъ, и воспользовался всѣмъ этимъ къ собственному своему образованію. Сверхъ того онъ усовершеншилъ себя въ древнихъ языкахъ и философіи, посѣщая гдѣ только можно было публичныя учебныя заведенія. Наконецъ обогатившись нужными познаніями, Скворода желалъ непременно возвратиться въ свое отечество. Надѣясь всегда на проворство ногъ, онъ пустился назадъ. Какъ забилось сердце его, когда онъ издали увидѣлъ деревянную колокольню родимой своей деревушки! Вербы посаженные въ отеческомъ дворѣ тогда, какъ онъ былъ еще дитяшею, распростирали свои вѣтви по крышѣ хижины. Солнце было тогда на западѣ; мычаніе коровъ возвращавшихся съ паствы домой составляло приятный звукъ для ушей прибывшаго на свою родину странника. Онъ шелъ мимо кладбища; тутъ большое число новыхъ во время его отсутствія поставленныхъ крестовъ бросали длинные тѣни. „Можетъ быть многихъ, (думалъ онъ) кои при моемъ отбытіи оспа-

(*) И напрасно онъ предпринималъ для сего такое дальнее путешествіе. Изд.

вались еще живы, теперь заключаетъ въ себѣ мракъ могилы; (тутъ онъ отеръ слезы наворачнувшіяся на глазахъ его) можетъ быть и родители мой почиваютъ здѣсь сномъ вѣчнаго покоя.“ Онъ перескочилъ черезъ ограду; переходилъ съ могилы на могилу, пока наконецъ малый поставленный въ углу камень показалъ ему, что уже нѣтъ у него отца. Сыновнее чувство увлекло его ко гробу родителя; онъ обнялъ хладную землю, смѣшанную съ драгоценнымъ для него прахомъ. Когда дѣйствія первыхъ впечатлѣній успокоились, началъ онъ здраво рассуждать о ничтожности міра сего. (*)

Возвратившись на родину онъ узналъ, что всѣ его родные переселились въ царство мертвыхъ; кромѣ одного брата, коего пребываніе было ему неизвѣстно. Отдѣленный отъ всего, Сковорода остался одинъ и былъ подобенъ кольцу выброшенному изъ цѣпи человѣчества.

(*) Позволяемъ себѣ замѣтить, что эпизодъ возвращенія Сковороды на родину могъ бы хорошо быть, — только не здѣсь въ его біографіи. Г. Сочинитель не означилъ важнѣйшихъ его приключеній, кои должны быть ему извѣстны; онъ не упомянулъ также о времени рожденія и смерти своего героя. И.

Побывавши въ родимой деревушкѣ, онъ взялъ опять свой страннической посохъ и многими обходами пошелъ въ Харьковъ. Тамъ оставался на нѣсколько лѣтъ учителемъ въ Коллегіумѣ; но принужденный образъ ученія ему не понравился, онъ оставилъ кафедру и рѣшился жить отлучно отъ шумнаго свѣта. Въ крайней бѣдности переходилъ онъ по Украинѣ изъ одного дома въ другой, училъ дѣтей примѣромъ непорочной жизни и зрѣлымъ наставленіемъ. Одежду его составляла простая сѣрая свита, пищу самое грубое кушанье; крѣпкіе напитки зналъ онъ только по названіямъ (*). „Къ чему, говорилъ онъ, всѣ эти заѣбѣ? Благодарю Провидѣніе, что я здоровъ; шѣло мое шелкомъ ли покрыто или грубымъ сукномъ, желудокъ мой жаренымъ ли цыпленкомъ наполненъ или кускомъ хлѣба: это все равно. Сердце, которое бываетъ честно подъ простымъ платьемъ, больше стоитъ нежели черная душа спрятавшаяся подъ звѣзду или ленгу. На что искусственные

(*) Справедливо ли сіе послѣдніе, читатели наши увидятъ изъ его писемъ помѣщенныхъ въ концѣ сей статьи. Изд.

напитки, когда природа намъ дала чистую воду (*)? Какъ бѣденъ тотъ, кто слѣдуетъ только внушеніямъ чувственности и пренебрегаетъ лучшую часть своего бытія — образованіе души.

Къ женскому полу не имѣлъ онъ склонности; всякую неприятность сносилъ съ великимъ равнодушіемъ. Въ этомъ онъ былъ стойкъ; но держался больше цинической секты, съ тою разницею, что не искалъ подобно Діогену людей со свѣчою. Его добрая душа находила, что міръ сей и въ великомъ своемъ развратѣ пишаетъ еще много добрыхъ смертныхъ. Діогенъ въ гордыхъ своихъ лоскутьяхъ конечно устыдился бы предъ нашимъ чувствительнымъ Сковородою. Одну только можно ему приписать слабость (и кто ихъ не имѣетъ?): онъ былъ нѣсколько склоненъ къ мистикѣ. Обильное воображеніе вело его нерѣдко въ область изступленія и дѣлала отчасти суевѣромъ. Но это неимѣло никакого вліянія на его характеръ, ни на окружавшихъ его; меч-

(*) А бочоночки, бочоночки?... (См. 2 письмо Сковороды.)

ты свои скрывалъ онъ въ душѣ; и никогда не выступалъ съ своими мистическими мыслями.

Проживши нѣсколько времени въ одномъ домѣ (гдѣ всегда ночевалъ лѣтомъ въ саду подъ кустарникомъ, а зимой въ конюшнѣ) бралъ онъ свою Еврейскую Библию — въ чемъ состояло все его имущество — въ карманъ, флейту на которой онъ довольно хорошо игралъ на плечо и пускался далѣе, пока попадалъ на другой предмѣтъ достойный его вниманія. Никто во всякое время года, во всякую погоду не видалъ его иначе какъ пѣшимъ; также малѣйшій видъ награжденія огорчалъ его благородную душу. Безкорыстіе и скромность были главнѣйшими чертами его характера. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ по большей части жилъ онъ въ Купянскомъ уѣздѣ въ большомъ лѣсу, принадлежащемъ дворянину О. Ю. Ше—кому. Онъ обыкновенно приспавалъ въ убогой хижинѣ пасечника; нѣсколько книгъ составляли все его имущество. Онъ любилъ быть у сего помѣщика, также у И. И. Меч—кова и у нѣкоторыхъ другихъ почтенныхъ лю-

дей. Простый и благородный образъ жизни въ сихъ домахъ ему нравился; тамъ онъ воспитывалъ дѣтей и развеселялъ умными разговорами сихъ честныхъ и всѣми любимыхъ спариковъ.

Чтобы дать поняшѣе о его остроуміи и скромности, приведу два случая. При странномъ его поведеніи не удивительно, что нѣкоторые забавники шутили надъ нимъ: Г. * * умный и ученый человѣкъ, но атеистъ и сапирикъ (онъ былъ воспитанъ по Французски) хотѣлъ однажды осмѣять его. „Жаль, говорилъ онъ между прочимъ Сковородѣ, что ты обучившись такъ хорошо живешь какъ сумашедшій безъ цѣли и безъ всякой пользы для общества.“ — Ваша правда, отвѣчалъ Философъ, я до сихъ поръ еще не сдѣлалъ никакой пользы, но надобно сказать и никакого вреда; но вы, сударь, однимъ безбожіемъ вашимъ уже много сдѣлали зла: человѣкъ безъ вѣры есть ядовитое насекомое въ природѣ; но байбакъ живя уединенно подъ землею, времянемъ съ своего бугорка смотря на прекрасную нашуру отъ радости свищеть и при томъ никого

колѣшъ. Совѣсть наша и тогда уже бываетъ спокойна, когда мы никому не вредимъ; естли судьба поставила насъ на такое мѣсто, гдѣ не можемъ приносить большой пользы. Г.** проглотилъ пилюлю: однако она не подѣйствовала; онъ остался какъ и былъ безбожникомъ до послѣдняго издыханія. Сія черта очень хорошо отличаетъ добрую душу Сквороды.

Другой анекдотъ показываетъ скромность Сквороды. Умъ его и необыкновенный образъ жизни сдѣлали имя его извѣстнымъ во многихъ мѣстахъ обширной Россіи. Многіе желали познакомиться съ нимъ: иные будучи водимы благороднымъ чувствомъ; а другіе хотѣли видѣть его, чтобы надъ нимъ почудиться какъ надъ рѣдкимъ человекомъ, полагая что философъ есть родъ орангутанговъ, которыхъ показываютъ за деньги: ишакъ безъ платы надѣялись имѣть удовольствіе посмотрѣть на такую рѣдкость. Въ Таганрогѣ жилъ Г. И. Ков — кій воспитанникъ Сквороды. Что бы навѣстить его, пустился нашъ мудрецъ въ дорогу, на кошорой, какъ

онъ самъ говорилъ, промешкалъ онъ бо-
лѣе года; когда же прибылъ въ Таганрогъ,
то ученикъ его созвалъ множество го-
стей, между которыми были весьма зна-
ные люди, коимъ хотѣлось познакомиться
съ Сковородою. Но сей будучи врагъ пыш-
ности и многолюдства лишь только при-
мѣтилъ, что такая толпа милостивцевъ
собралася единственно по случаю его при-
бытія туда, тотчасъ ушелъ изъ комна-
ты и къ общей досадѣ никто не могъ его
найти: онъ спрятался въ сарай, гдѣ до
тѣхъ поръ лежалъ въ закрытой кибиткѣ,
пока въ домѣ стало тихо. Тогда вышед-
ши изъ своего убѣжища, просилъ хозяина,
что бы впредь избавилъ его отъ такихъ
тягостныхъ почтешелей. Діогенъ хва-
стался тѣмъ, что Александръ его навѣ-
стилъ и считалъ себя въ своей бочкѣ
гораздо важнѣе, нежели какъ былъ сей
владыка въ пышномъ дворцѣ своемъ. Сковорода былъ скромнѣе; ему не льстили
похвалы вельможныхъ. Однажды онъ гово-
рилъ: „вельможные подобны ежамъ; я не
хочу сказать, что они принадлежатъ къ
симъ щетинистымъ животнымъ, но что

съ обоими надобно обходиться очень осторожно дабы не уколоться. Когда ежъ свернется въ клубокъ, самъ бѣсъ его не тронетъ; равнымъ образомъ нельзя допрогиваться и до велемощнаго, когда онъ въ своемъ кругу дѣйствія надувается.,

Вотъ еще нѣсколько довольно странныхъ его изреченій:

„Спайся манишь собаку, но палки изъ рукъ не выпускай.

„Къ чему служишь имѣть золотой руко-
мойникъ, когда въ него кровью харкаешь?

„Кто бѣтъ конопляное сѣмя, тотъ съѣстъ собственную свою руку (*).

„У чорта нѣтъ козы, однако онъ продаетъ сыръ (!!).

„Курица кудахчетъ на одномъ мѣстѣ, а яйца кладетъ на другомъ.

„Прошлаго году былъ пожаръ, а нынѣ все еще пахнетъ.

„Естьли только для того хлопчешь, что бы имѣть въ своемъ дворѣ бѣлую курицу; такъ не надобно смотрѣть, носитъ ли она яйца или нѣтъ.

(*) Вотъ ужъ ~~вовсе~~ не понимаемъ. Изд.

„Рыба отъ головы начинаешъ пор-
шиться.“

Сковорода никогда не зналъ ни болѣз-
ни, ни нужды, ни чужой помощи. Трез-
вость, человѣколюбіе и покорность Судь-
бѣ были отличительными чертами всѣхъ
его поступковъ. Онъ умеръ спокойно,
безъ помощи лѣкарей и съ упованіемъ
на будущее; всѣ, кто зналъ его, сожалѣли
о его потерѣ. Простая дерновая моги-
ла покрываетъ кости его; но она вну-
шаетъ болѣе почтенія, нежели иной
огромный памятникъ. Онъ писалъ мно-
го, и стихи его сдѣлались народными
пѣснями; сочиненія его находятся въ
разныхъ рукахъ, и между ними есть хо-
рошія стихотворенія.

Миръ его праху! О немъ съ призна-
тельностьюю воспоминають многіе Особы
занимающіе важные мѣста въ военной и
гражданской службѣ.

Густавъ Гессъ де Кальве.

Въ Маршѣ. 1817.

Ауганскій лит. заводъ.

Такъ говоритъ панегиристъ Сковороды; посмотримъ какъ отзывается о немъ человѣкъ, подобно ему во многихъ отношеніяхъ оригинальный. Это нашъ Вернеть столько занимательный для людей добродушныхъ и простосердечныхъ; не нравящійся только тѣмъ, кои упрекая его въ излишнемъ самолюбіи опредѣляютъ чрезъ то степень своего собственнаго. Намъ приятно мимоходомъ явить себя защитниками сего любезнаго Швейцарца-Украинца. Тѣмъ, кои желаютъ что бы онъ менѣе занимался своимъ лицомъ, скажемъ только: что онъ пишетъ свои собственныя приключенія и при томъ воспоминаія; въ такомъ родѣ мы съ сердечнымъ удовольствіемъ пробѣгаемъ пѣсу даже самую посредственную, встрѣчая въ ней имя человѣка, названіе города и т. п. нѣкогда намъ любезныхъ и всегда приятныхъ. Сколько же должны занимать насъ такія пѣсы, въ которыхъ кромѣ сихъ многимъ драгоценныхъ воспоминаній, находимъ мы простому чувства выраженную съ прелестью небрежностію?

Вотъ мысли Вернета о Сковородѣ:

— — — — Подлѣ Лопанскаго моста, въ домѣ почтеннаго моего приятеля П. О. Пискуновскаго досталось мнѣ видѣть въ послѣдній разъ Григорія Савича Сковороду. Онъ былъ мужъ умный и ученый; но своенравіе, излишнее самолюбіе, нетерпящее никакого прошиворѣчія, слѣпое повиновеніе, котораго онъ требовалъ отъ слушавшихъ его (magister dixit) затмѣвали сіяніе дарованій его и уменьшали пользу, коюрой общество могло бы ожидать отъ его способностей. Онъ былъ необдѣланный дорогой камень, коему потребна рука искуснаго художника. Ему надлежало бы, по совѣту Платона который относилъ слова свои къ Ксенократу: почаще приносить жертву Траціямъ. Въ самомъ дѣлѣ у покойнаго Сковороды не доставало ни снисходительности къ чужимъ мнѣніямъ, ни терпѣнія столь нужнаго для изслѣдованія истинны и образованія юношества. Вкусъ его не былъ очищенъ, какъ это видно изъ оставшихся отъ него сочиненій. Онъ былъ вспыльчивъ и пристрастенъ, слишкомъ слѣдо-

валъ силѣ первыхъ впечатлѣній; переходилъ отъ одной крайности въ другую; онъ любилъ и ненавидѣлъ безъ достаточной причины; и истина въ его устахъ, не будучи прикрыта приятною завѣсою скромности, снисхожденія и ласковости, оскорбляла исправляемаго и не достигала никогда цѣли предположенной учителемъ. Я не знаю, какъ онъ успѣлъ внушить своимъ ученикамъ такую привязанность къ себѣ! Развѣ страхомъ, предубѣжденіемъ и силою привычки? О, нѣтъ ли тайнаго побужденія отъ меня сокрытаго? Ибо безкорыстіе и совершенное удаленіе Сковороды отъ богатства не сдѣлалось, сколько мнѣ извѣстно, наслѣдіемъ ни одного изъ панегиристовъ сего безсребренника. Всѣхъ болѣе удивлялись ему достопочтенные Я. М. Донецъ - Захаржевскій и А. Ю. Сошальскій. Но равно ошибаются какъ тѣ, кои не отдають должной справедливости способностямъ и знаніямъ Сковороды, такъ и тѣ, кои сравнивають его иногда съ Ж. Ж. Руссо, первымъ прозаикомъ своего вѣка: можно сравнить ихъ развѣ только въ странномъ и дикомъ образѣ жизни, въ безкорыстїи и въ нѣко-

торомъ родѣ брюзгливости и мизантропіи.

Справедливѣе Сковорода занимаетъ мѣсто между Діогеномъ и Кратесомъ; онъ своими поступками и нравомъ могъ бы играть въ Греціи блестящую роль во время Синопскаго чудака: Діогенъ изъ всѣхъ Греческихъ народовъ однихъ Спаршанцевъ почиталъ только людьми; Сковорода преимущественно любилъ Малороссіянь и Нѣмцовъ. Сія исключительная любовь была причиною моего съ нимъ пренія и несогласія при первомъ свиданіи; она лишила меня удовольствія познакомиться съ нимъ короче, сколько я того ни желалъ. Я былъ тогда еще молодъ; но уже могъ замѣтить, что слава часто подвержена бываетъ затмѣнію, когда случай сближаетъ насъ съ самимъ ея предметомъ. Впрочемъ я чту память Сковороды, благоговѣю къ его чистотѣ и безкорыстію; я не престану превозносить похвалами его простоту и любовь къ природѣ.

Сковорода былъ музыкантомъ. Его духовные канты мнѣ нравятся; но стихи его вообще противны моему слуху, можешь быть ошъ того, что я худой

знапокъ и цѣнитель красоть Руской поэзіи. Проза его также несносна для меня: не терпя шаинственнаго слога и запутанныхъ мыслей господъ мистиковъ я не люблю ходитъ по мрачному лабиринту метафизики, привыкши издавна къ ясному и прекрасному слогу любезнаго Сен-Піера и къ простому, удобопоняшнему умствованію Локка и Кондильака. При всемъ томъ я чту Сковороду и чувствую въ себѣ склонность подражать ему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; и вмѣсто того, чтобы чувствительно оскорбиться тѣмъ, что онъ меня назвалъ мущиною съ бабьимъ умомъ и дамскимъ секретаремъ, я еще былъ ему весьма обязанъ за сїи шутки: это было въ тѣ щасливыя лѣта, когда чело-вѣкъ, у коего не пыква на мѣстѣ головы и не кусокъ дерева вмѣсто сердца, представляетъ все свое благополучіе въ томъ, чтобы любить и быть любиму; когда чувствительное сердце ищетъ себѣ подобнаго; и когда милая улыбка и ласковый взоръ любимаго предмѣта такъ восхищаетъ сердце и душу, какъ послѣ суровой зимы солнечная теплота, пѣніе

птицъ и природа во всемъ ея убранствѣ даютъ обрадованному старцу чувствовать что земля и въ старости можеть еще быть для него раемъ.

Я нарочно ѣздилъ изъ Мерчика въ деревню Ивановку (Богодух. уѣзда) для посѣщенія могилы, въ коей почиваютъ бранные остатки незабвеннаго Сковороды.

Ив. Вернеть.

Софійское.

Валковского уѣзда.

Въ Мартѣ.

1817.

До сихъ поръ мы говорили языкомъ то панегириста, то человѣка являющагося безпристрастнымъ; но чтобы дать читателямъ нашимъ лучшее понятіе о героѣ сей сшаши, мы заговоримъ его собственнымъ языкомъ. Слѣдующія два письма, собственноручно имъ писанныя и въ подлинникахъ нами полученныя, очень хорошо покажутъ образъ его мыслей и способъ выраженія равно какъ и нѣкоторыя обстоятельства жизни. Что бы имѣть понятіе о наруж-

номъ видѣ сихъ писемъ надобно видѣти ихъ въ подлинникѣ; мы постараемся сохранить его правописаніе. Между прочимъ читатели наши увидятъ также, что Сковорода былъ врагъ *ероѡвъ*; сверхъ того многія слова писалъ онъ сокращенно и подъ шиплами. Въ разныхъ мѣстахъ попадаются звѣздочки, значенія коихъ мы не вездѣ могли понять; но удержимъ ихъ въ нашемъ списокѣ: читатели не найдутъ здѣсь однакожъ удареній, которыя онъ ставилъ на каждомъ словѣ. Оба письма писаны къ здѣшнему Купцу *Е. . . . Е У* — ну, который и доставилъ намъ ихъ.

Изъ вел. Бурлука: 1790 года Іюня 10 дня.

*

Возлюбленный друже!

Георгій Георгіевич!

Миръ сердцу твоему и дому!

Благодарю Богу и тебѣ, друже, за твое мнѣ спраннопріимство. Седмицу у тебе почил Старецъ Сковорода: аки в' матернемъ домѣ. Да воздастъ же тебѣ той, иже на свой щепъ пріемлетъ все даемое нищимъ! / Я вашимъ виномъ, не пол'ко в' до-

рогѣ: но и в' дому ползовался. / Пронху
покорнѣйше, ошдаш низен'кѣй поклонъ: Го-
сподину Петру Федоровичу, Аптекарю:
и показат' на оборотѣ вашего пис'ма мои
строки Латинскія. Аршему Дороеевичу,
и Рошину с' поварищем, усердное мое
почтеніе. Такжеде и Стефану Никити-
чу Гдну Курдюмову: и всему его дому,
а я пребуду

Возлюбленный друже!
вам искренним другом,
и покорнѣйшим слугою:
Старецъ Григорій Варсава Скворода.

На оборотѣ написано слѣдующее:

*

Carissime amice Petre!

*Nisi simplicitatem et candorem animi tui nossem:
equidem nunquam te interpellassem: nec tibi
facesserem molestiam. Nunc cum Socrate dico
illud vetus proverbium:*

** Novi Simonem et Simon me.*

*Mitte, sodes, saltem unicum fasciculum centaurei
majoris: sive cardui benedicti. Macerabimus aut
vino aut sikera. Gratissimum ac utilissimum nobis
feceris si miseris. Vale!*

Debitor tuae amicitiae:

et Beta tuorum amicorum

Senior Gregor. Bar-Sabà Skoworodà.

Другое лисьмо.

*

Из вел. Бурлука: 1790 года Июля 2 дня.

*

Любезный друже!
Георгій Георгіевич!

Да будет мир тебѣ и дому твоему!

Не забывай, друже, что нынѣ течетъ первая четверть небесныя луны Аугуста. Разумѣй: яже глаголю Дажь премудрому повод: и премудрѣйшій будетъ. Скушай Римскую сію пословицу: * боязливаго сына матери не рыдаетъ. Не дрѣмай! Жизньъ наша, ест'-то море. * Блюдите: како опасно ходите! к' Ефесеемъ. Господь да сохранитъ правая теченія твоя! Тако плыви: да достигнешь въ гавань благоумаченныя старости оныя: * Вѣнецъ хвалы старости А кое-то ест' масло: умащающее щастливую старость? кій вѣнецъ? послушай! * помаза насъ Богъ духомъ Давидъ же: * елеемъ радости помазалъ еси его. А вѣнецъ ражжуетъ тебѣ Исаія. * Веселіе вѣчное надъ глаголющихъ Ах! что лучше возможешь усладити старость: какъ Божіе оіе масло? Вотъ тебѣ

масло. * Добрая слава (пословица) лучше мягкаго пирога.

Не думай же, друже, что добрая слава, ест' тоже что пустозвонкій мырскій газетъ гремѣющій по улицамъ, о телѣсной твоей премудрости, о силѣ и богатствѣ. * Да не хвалится премудрый премудростію своею! . . . От сего елея утѣшаетъ Давидъ. * Елей же грѣшнаго да не намаститъ главы моея. Сим елеемъ мажутся нечестивіи. Они украшаютъ стѣны и тѣла: а не сердца свои. А вотъ они супи! * О лицемѣре! омый прежде внутренность твоея скляницы. На вотъ же тебѣ и истинный, сердца украшающій елей! и питающій. * Назнаменался (напечатлѣлся на сердцѣ нашемъ) свѣтъ лица твоего. Далъ еси веселіе въ сердцѣ моемъ. От плода пшени. вина и елея и проч. Сирѣчь: разбогатѣли, де, мы въ богатствѣ украшающемъ и питающемъ сердце. Умѣй же различитъ ложную славу отъ истинныя: якоже воровску монету: и будешь блаженный оный: Христомъ похваляемый купецъ: * подобное ест' царствіе Божіе человѣку купцу и проч. онъ надъ все свое имѣніе предъ-

почел дражайшій нѣкій маргарит: хот'
прашою всего: тол'ко бы достат' оный. А
кій шой тол' странный и чудный маргарит?
Вот ОН! * заповѣд' Гд̑ня свѣшлая . . .

* Спрах Гд̑ен' чист . . . * Судьбы
Гд̑ни оправ. вождельны паче злапа
и прощ.

Вот ОН! * Благ мнѣ закон уст т. паче
тыс. зл. и сребра.

Вот ОН! * на пути свидѣній твоих на-
сладихся, яко во всяком богатствѣ.

Вот ОН! * видѣх неразумѣвающія, и
испаях: яко Маргарита не достигли.

Вот ОН! * открьй очи моя: и уразумѣю
цѣну его.

Вот ОН! * Пришлец аз есм' на землѣ: не
скрый от мене — — —

Вот ОН! * Слава добрая, утучняетъ ко-
спи. . . . Соломон.

Вот ОН! * Слава велія, послѣдоваши
Бгу. — — — Сын Сирахов. —

* Прильпе сердце мое по шебѣ. . . * Во
вѣки забуду оправданій твоих Ей!
лучше гол, да прав: нежели богатый без-
законник. Не убоюся от обнажающих

тѣло: души же обнажит' не могущих.
Амин'!

Любезный Друзе!

Ваш истиннаго добра желатель и
всепокорнѣйшій слуга

Старецъ, Григ. Вар-Сава Сковорода.

Пришлите мнѣ, ножикъ с' печаткою.
Великою печатью не кстапи и не люблю
моих писем печатаѣ'. /Люблю печатаѣ'-
ся еленем. Уворовано моего еленя, тогда
когда я у вас в' Харьковѣ пировал и
буянил. /Достойно!

Бочоночки оба отсылаются: ваш и
Дубравина: и сей двоицѣ отдайте отъ
меня низесен'кѣй поклон и Господину
Прокопѣю Семеновичу.

Къ Издателямъ.

(Изъ Одессы.)

Милоспивые Государи!

Видя изъ Украинскаго Вѣстника, ва-
ми издаваемаго, что вы между прочимъ
принимаете на себя трудъ знакомить
бѣдность съ состраданіемъ, покорно про-
шу прилагаемые при семъ 250 руб. день-
ги вручить Обществу Харьковскому пе-
кущемуся о благопвореніи сиротамъ; пусть
и моя убогая лепта ввержена будетъ въ
общій корванъ милосердія моихъ соотчи-
чей. О полученіи прошу увѣдомить меня
чрезъ вашу Вѣстникъ.

Покорнѣйшій слуга

* * *

Мы получили сіи деньги и препроводили ихъ
къ Правителю дѣлъ Общества Благопворенія Г.
Ө. Квишкѣ. Извѣщая такимъ образомъ почтеннѣй-
шую особу изъ Одессы, свидѣтельствуемъ ей
свою благодарность какъ за челоуѣколюбіе и благо-
творительность такъ и за довѣренность къ намъ.

Издатели Укр. В.

Къ Издателямъ.

(Изъявление благодарности.)

Прошу васъ покорнѣйше напечатать въ издаваемомъ вами Вѣстникѣ нижеписанный благотворительный поступокъ.

Херсонской Губерніи Александрійскаго уѣзда Г. Помѣщикъ Коллежскій Ассесоръ Касьяновъ, по прозвѣбъ моей, служащаго въ Ескадронѣ имени моего рядового Проценка бывшаго его крестьянина дочь Макрину имѣющую уже 15 лѣтъ прижишу симъ еще до вступленія въ военную службу изъ крестьянства своего увольнить и опустить къ родственникамъ ея, для присоединенія къ семейству. Обрадовавъ тѣмъ родителей ея, онъ благодареніемъ симъ заславляетъ соединенное семейство прославлять великодушное имя его навсегда.

*Переяславскаго Конно-Егерскаго
полка Майоръ Селивановъ.*

Харьковъ.

25 Марта.

1817.

О подпискѣ

На Сочиненія Любви Кричевской,

подъ названіемъ:

МОИ СВОБОДНЫЯ МИНУТЫ.

*(Въ пользу Института Харьковского
Общества Благотворенія.)*

Издатели съ особеннымъ удовольствіемъ поспѣшаютъ извѣстить почтеннѣйшую Публику о подпискѣ на сіи сочиненія. Многія книжки Вѣстника были украшены произведеніями нашей Писательницы. Мы видѣли, съ какимъ восторгомъ приняты они на ея родинѣ; но одинъ изъ Издателей имѣлъ случай и въ отдаленіи отъ Украйны быть свидѣтелемъ подобныхъ восторговъ такихъ чистопеллей, которые страну нашу знаютъ только по слуху, и онъ не можетъ изобразить удовольствія тѣхъ, кои сами лучшія лѣта своей жизни провели въ здѣшнемъ краѣ.

При составленіи стиховъ Кричевская всегда была водима собственнымъ

чувствомъ; у ней нѣтъ ничего заимствованнаго, кромѣ нѣсколькихъ подражаній. Сїи чистыя произведенія своего таланта почтеннѣйшая Писательница желаетъ увѣнчать еще добрымъ дѣломъ, принося плоды своихъ занятій въ даръ Харьковскому Институту Общества Благотворенія.

Вотъ собственныя слова ея, въ которыхъ сама она при началѣ книги извѣщаетъ читателей о своихъ средствахъ и намѣреніи. Кто не улыбнется искусству Сочинительницы, видя какъ она умѣетъ быть простосердечною?

„Говорятъ, что признательность есть знакъ добраго сердца; какое приятное замѣчаніе для меня! Желая удержатъ довѣренность своего читателя, я со всею признательностію явлюся предъ него въ ту минуту, когда онъ полагаясь на мою скорую рѣшимость издать свои свободныя минуты, беретъ ихъ въ руки надѣясь провести хотя одинъ часъ съ удовольствіемъ. Нѣтъ! я не обольщаю себя сею сладкою мечтою; не только голосъ самолюбія, но даже прозбы и одобренія друзей не могли принудить меня взять

на себя столько смѣлости, чтобы надѣяться доставить нѣсколько приятныхъ минутокъ читателямъ моимъ; знаю, что дружба самый пристрастный цензоръ и можетъ быть въ семъ одномъ случаѣ не должно довѣрять ей.

„Не науки и познанія настраивали мою лиру; даже и сіе самое обыкновенное выраженіе я *училась за мѣдные деньги* нейдетъ ко мнѣ, потому что я ни за какія не училась. Сокращенный Капихизисъ преподаанный мнѣ нѣжною, доброю матерью составлялъ всѣ мои науки; слава Богу! я чувствую, что сего довольно для истинно Христіанской жизни; но какъ мало для того, кто захотѣлъ бы присвоить себѣ громкое названіе писателя.

„Итакъ, почтенный читатель, я не общаю тебѣ ничего своими *свободными минутами*: не для славы издаю ихъ; чувство гораздо возвышеннѣйшее сего побудило меня къ тому, и забывъ свои недостатки, я хочу испытать твое терпѣніе. Могла ли я вообразить когда, чтобы сіи листочки изписанные мною для препровожденія времени доставили мнѣ, соб-

ественно мнѣ, сіе неизъяснимое удовольствіе произведенное во мнѣ надѣянiемъ сколько нибудь способствовать почтеннѣйшей Публикѣ излить новое благодареніе на сиротъ призрѣнныхъ Харьковскимъ Обществомъ Благотворенія, которому сердце мое съ восторгомъ посвящаешь сіи слабые труды?

„Чувствительныя сердца! подивитесь моей хитрости; я нашла способъ быть читаема вами. Кто изъ васъ откажется быть благодарителемъ нуждающемуся человѣчеству? — Ахъ, сколь благословенна та минута, въ которую я перенесла свое перо отъ расходной книги на сію тетрадь!“

Подписка принимается у Правителя дѣлъ Харьковского Общества Благотворенія Григорія Федоровича Квитки, къ коему и иногородные благоволятъ отнестись и получать отъ него билеты.

Подписная цѣна назначается 5-ть руб. Имена Гг. подписавшихся съ означеніемъ ихъ пожертвованій будутъ припечатаны въ концѣ книги.

О Ш И Б К И.

Спр. 66 и 67 вмѣсто долж. чит.

Тамъ раздуваюшъ и пр. Здѣсь раздуваюшъ и пр.

— 81 спрок. 6 для нея для него

— 85 — 19 не я другу я недругу

— 116 — 1 колешъ не колешъ

Книжное извѣстіе.

*Практика Французскаго языка, изда-
ная Разумникомъ Гонорскимъ, въ 2-хъ
частяхъ.*

Содержаніе первой части: а) уроки Произношенія а) всѣхъ родовъ е для легчайшаго уразумѣнія сравнительно въ сходныхъ словахъ представленные; б) долгихъ и короткихъ слоговъ въ такомъ же видѣ. б) Слова сходныя между собою, различающіяся только согласными швердыми и мягкими 1. въ началѣ, 2. въ срединѣ и 3. по приближенію; с) спашья о ко нечныхъ согласныхъ; д) о сліяніи словъ; е) слова отлично отъ произношенія пишемая; ф) сокращенный Словарь произношенія а) названій историческихъ б) географическихъ. *Правописаніе.* г) Слова одинаково пишемая мужескія и женскія; б) похожія по произношенію но различно пишемая: 1. мужескія и женскія, 2. одни мужескія, 3. одни женскія. *Не правильности:* 1) неправильныя а) женскія сущ. б) прилагательныя с) нарѣчія; к) прилаг. взятыя изъ другихъ языковъ, л) прил. противоположныя для удобнѣйшаго зашверживанія.

Выраженія фигуральныя m) 1. съ членомъ, 2. безъ члена, 3. съ предлогами, 4. съ припаяж. мѣстоимѣнiемъ; n) выраженія простыя, o) сравненiе предлоговъ Французскихъ и Рускихъ p) употребительнѣйшiя пословицы, q) сравненiя; r) легкiе переводы съ Франц. на Руской.

Вторая часть заключаетъ въ себѣ лучшiе отрывки изъ Франц. писателей сравнительно переведенные на Руской языкъ.

Сверхъ того въ обѣихъ частяхъ каждое Руское слово для иностранцевъ означено ударенiемъ.

Цѣна за обѣ части въ бум. 4 руб.; пожелавшимъ взять болѣе 10 экз. уступлено будетъ по 50 коп. съ экз. Адресоваться къ Изд. У. В. Р. Гонорскому.
